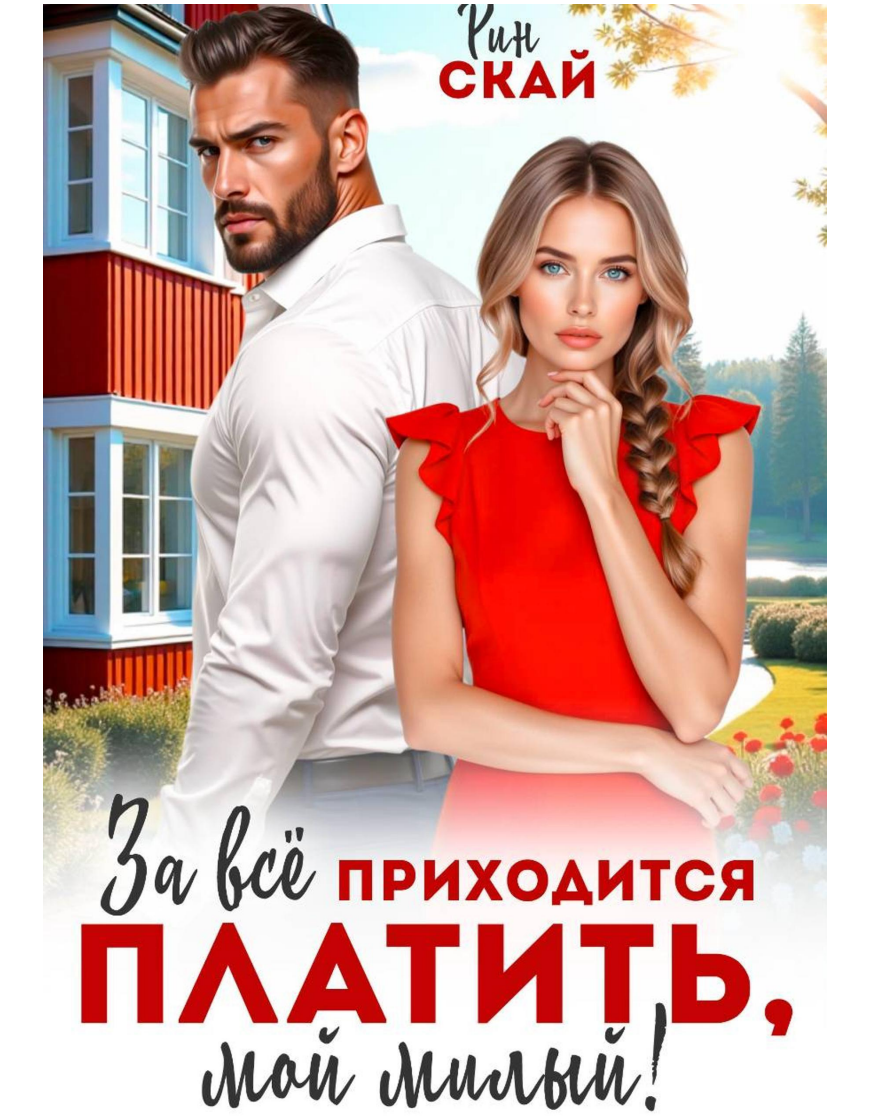


A man with a beard and a woman with long blonde hair are the central figures. The man is wearing a white shirt and looking back over his shoulder. The woman is wearing a red dress and looking forward with her hands clasped. They are standing in front of a red and white house with a garden.

Кин
СКАЙ

За всё ПРИХОДИТСЯ
ПЛАТИТЬ,
мой милый!

Рин Скай

За все приходится платить, мой милый!

<https://litres.ru/74645003>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Что, уже командуешь? - зло смеется бывший муж. - Секретарша генерального директора! Да ты писать без ошибок не умеешь, какая тебе должность?

Да, я засиделась дома, и муж перестал меня замечать, а я, пока наш сын в деревне с бабушкой, решила найти себе работу. И нашла. В компании, где работает мой бывший муж и его любовница.

А какой у меня новый начальник! Прямо мурашки от него

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	24
ГЛАВА 4	33
ГЛАВА 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Рин Скай

За все приходится платить, мой милый!

ГЛАВА 1

ВЕРОНИКА

Я застегиваю молнию на Данькиной спортивной сумке и в третий раз мысленно прохожусь по списку: футболки, шорты, кепка, сандалии, кроссовки, дождевик, зубная щетка, книжка про динозавров, витамины, любимая пижама с космонавтами.

Из спальни доносится недовольный голос моего мужа Ивана:

- Вероника! Где мой синий галстук?

Я замираю на секунду, глядя на сумку. Галстук. Конечно. Потому что галстук важнее всего. Важнее того, что наш восьмилетний сын впервые на все лето уезжает без нас, важнее того, что я с утра не присела ни разу.

- В шкафу, на вешалке для галстуков, - отвечаю я как можно спокойнее.

- Его там нет!

Я выдыхаю, оставляю Данькину сумку и иду в спальню.

Иван стоит перед распахнутым шкафом в белой рубашке и брюках, с раздраженным лицом. Вещи сдвинуты в сторону, на кровати уже лежат два пиджака, ремень и часы.

Я молча протягиваю руку и снимаю с вешалки синий галстук. Тот самый, который висит на самом видном месте.

- Вот он.

Иван хмурится, будто я специально спрятала его у него перед носом.

- Можно было сразу нормально положить.

- Он и был нормально положен.

- Не начинай, Вероника.

Я смотрю на него и чувствую, как внутри поднимается усталость. Не злость даже, а тяжелая, вязкая усталость.

- Я не начинаю. Я собираю Даню, собираю себя, отвечаю на звонки твоей мамы, глажу твою рубашку и ищу галстук, который висит там, где ВСЕГДА висит!!!

Иван резко затягивает галстук на шее.

- Вот только не надо сейчас изображать жертву. Сегодня важный вечер, между прочим. Самый важный в моей карьере!

- Я помню.

- Не уверен. У тебя лицо такое, будто ты на каторгу собираешься.

Я стискиваю пальцы. Мне хочется сказать, что каторга - это жить с человеком, который разговаривает с тобой как с прислугой. Но я молчу. Сегодня и правда важный вечер.

Сегодня генеральный директор Михаил Арсеньевич Царевский должен объявить о повышении Ивана прямо на корпоративе по поводу дня основания компании. Муж станет заместителем директора отдела развития. Должность, о которой он говорит последние полгода, порой даже и во сне.

Из детской выбегает Даня.

- Мам, а Ерошку можно взять?

Я тут же переключаюсь, приседаю перед ним и улыбаюсь.

Ерошка – это его игрушечный плюшевый Енот

- Конечно можно. Как же бабушка с дедушкой без Ерошки справятся?

Даня смеется, обнимает меня за шею, и у меня щемит сердце. Он пахнет детским шампунем и клубничной жвачкой. Мой маленький второклассник, который уже считает себя взрослым, потому что едет в деревню без меня. Как же я буду без него скучать! Но, мы так решили. Ему будет лучше провести это лето с бабушкой и дедушкой в деревне. А я собираюсь наконец подыскать себе работу.

- Ты мне каждый день звонить будешь? - спрашивает он тихо.

- Каждый. И утром, и вечером, если захочешь.

- А папа?

Я перевожу взгляд на Ивана. Он стоит у зеркала и поправляет узел галстука.

- Папа тоже будет звонить, - говорю я за него.

Иван бросает через плечо:

- Если мне будет хватать времени на новой должности!

Даня кивает, но я вижу, как он немного сникает. Мне хочется одернуть Ивана, но в этот момент звонят в дверь.

- Бабушка! - Даня срывается с места.

Я иду открывать, а Иван, даже не оборачиваясь, раздраженно говорит мне вслед:

- Только не устраивай сейчас суету, Вероника. И не забудь, что нам через час нужно быть в ресторанном комплексе. Если опоздаем из-за твоих вечных сборов, будет просто прекрасно.

Я замираю у двери, держа руку на замке.

- Иван, я почти всё собрала.

- Почти, - бурчит он. - У тебя всегда всё почти. Ребенка собрать - трагедия на полдня, галстук найти не можешь, рубашку нормально погладить тоже надо напоминать. А потом еще удивляешься, почему я нервничаю.

Я медленно поворачиваю ключ. За дверью стоят мама и мой отчим, Павел Петрович.

По их настороженным лицам видно, что они кое-что слышали, а возможно, что и всё.

Мама смотрит сначала на меня, потом поверх моего плеча - туда, где в коридоре стоит Иван. Лицо у нее меняется не сразу: улыбка, с которой она пришла к внуку, гаснет медленно, будто кто-то постепенно гасит свет.

- Добрый вечер, - говорит она ровно.

- Бабушка! - Даня проскакивает мимо меня и бросается

ей на шею.

Мама тут же обнимает его, целует в макушку, но взгляд у нее остается тяжелым.

- Ну что, путешественник готов?

- Готов! - Даня гордо показывает рюкзак и спортивную сумку.

Павел Петрович входит следом, ставит пакеты с фруктами у стены и спокойно смотрит на Ивана.

- Здравствуй, Ваня.

Иван появляется в прихожей уже с тем выражением, которое надевает при посторонних: сдержанная вежливость, усталая важность, будто он только что не ворчал на меня из-за галстука и рубашки.

- Здравствуйте, - сухо произносит он. - Проходите.

Мама помогает надеть на Даню кепку и тихо спрашивает меня:

- Ника, ты бледная. Ты ела сегодня?

- Потом поем, мам.

- Потом у тебя никогда не наступает, - ворчит она, но мягко.

Иван усмехается.

- Инна Григорьевна, не переживайте. Вероника у нас всегда занята. Правда, в основном тем, что создает видимость катастрофы на пустом месте.

Я резко поднимаю на него глаза.

- Иван.

- Что? - он пожимает плечами. - Я что-то не так сказал?
Павел Петрович медленно выпрямляется.

- Не так.

В прихожей становится тихо.

Даня переводит взгляд с одного взрослого на другого. Я тут же беру себя в руки и улыбаюсь ему.

- Дань, иди собери своего енота, хорошо?

- Хорошо, - шепчет он и уходит в комнату.

Как только он скрывается за дверью, мама поворачивается к Ивану.

- С женой так не разговаривают.

Иван напрягается.

- Простите?

- Ты прекрасно слышал, - говорит она. - Мы тоже слышали, и достаточно.

- Сегодня мой день, - жестко говорит Иван. - Я имею право нервничать.

- Нервничать перед важным днем можно. Срываться на близких - нет. Ника не твой обслуживающий персонал.

Иван бледнеет от злости.

- Я смотрю, вы сразу готовы делать выводы.

- Мы сделали их уже давно, - тихо отвечает мама. - С женой не разговаривают приказным тоном. Особенно когда она одна на себе держит весь дом.

Иван усмехается.

- Инна Григорьевна, при всем уважении, вы не совсем по-

нимаєте ситуацію.

- Понимаю лучше, чем ты думаешь, - отрезает мама. - Моя дочь с утра бегает как заведенная, а ты даже собственный галстук найти не можешь и еще недоволен.

- Следи за тоном, Иван - говорит отчим. - Ника не твой обслуживающий персонал. И, кстати, если память тебе не изменяет, именно она писала тебе диплом, а я помог с работой. Так что не стоит делать вид, будто ты сам поднялся с нуля на вершину Олимпа.

Я чувствую, как щеки вспыхивают.

- Пап, не надо...

Иван смотрит на меня так, будто это я только что ударила его при всех.

- Прекрасно, - произносит он тихо. - Просто прекрасно.

Мама подходит ко мне ближе.

- Мы поедem. Не хочу, чтобы ребенок это слушал.

Она крепко обнимает меня.

- Позвони мне вечером. Обязательно.

- Мам, все нормально.

- Ничего не нормально, - тихо отвечает она. - Но ты почему-то очень стараешься делать вид, что все замечательно.

Павел Петрович забирает сумку, рюкзак, потом возвращается и останавливается рядом с Иваном.

- Ваня, повышение - хорошая вещь. Но забываться не стоит.

Иван молчит.

Я обнимаю Даню и родителей, через десять минут дверь за ними закрывается. В квартире наступает тишина, непривычная и пустая. Без Данькиных шагов, без его вопросов, без мультиков из детской.

Я стою посреди прихожей и смотрю на маленькую машинку, забытую на тумбочке. Беру ее в руки, провожу пальцем по крыше.

- Довольна? - раздается за спиной голос Ивана.

Я медленно оборачиваюсь.

- Чем?

- Спектаклем. Родители приехали, поставили меня на место, напомнили, кто тут кого кормит, кто кому обязан. Великолепно.

- Я не просила их ничего говорить.

- Конечно. Ты у нас всегда ни при чем.

Он снимает пиджак и бросает его на спинку стула. Я машинально хочу поднять, поправить, чтобы не помялся, но останавливаю себя.

- Иван, они слышали, как ты со мной разговариваешь. Им это не понравилось.

- А тебе, значит, понравилось выставять меня ничтожеством?

- Я этого не делала.

- Нет, делала. Молчанием. Своим жалким видом. Этими глазами: «Посмотрите, я такая несчастная, муж меня обижает».

Я чувствую, как внутри что-то щелкает. Очень тихо, почти незаметно, но после этого щелчка я уже не могу говорить прежним мягким голосом.

- А ты меня не обижаешь?

Иван замирает.

- Что?

- Я спрашиваю: ты меня не обижаешь? Когда говоришь, что я деградирую? Когда при Дане бросаешь фразы, будто я никто? Когда все, что я делаю, считается само собой разумеющимся?

Он криво улыбается.

- Господи, началось. Вероника, ты целыми днями дома. У тебя нет начальников, отчетов, переговоров, ответственности.

- У меня ребенок, дом, твои родители с претензиями, твои рубашки, твои ужины, твои забытые документы, твой график, твоя жизнь, которую я обслуживаю уже девять лет.

- Обслуживаешь? - он делает шаг ко мне. - Какая жертва. А кто тебя заставлял? Я просил тебя не работать?

- Ты говорил, что Дане нужна мама. Ты говорил, что пока ты строишь карьеру, мне лучше быть дома. Ты говорил, что это временно.

- Ну так иди работай! - резко бросает он. - Посмотрим, кому нужен твой красный диплом спустя девять лет кастрюль и детских кружков.

Мне больно. Так больно, что на секунду даже темнеет в

глазах. Но я не отворачиваюсь.

- Знаешь, Вань, самое страшное не то, что ты так думаешь. А то, что ты наконец-то сказал это вслух.

Он тяжело дышит, будто сам испугался своих слов, но гордость не позволяет отступить.

- Мне надо ехать, - говорит он холодно. - И мне нужно, чтобы сегодня ты выглядела *прилично*, и не портила вечер.

Я смотрю на него. На человека, которому написала диплом. Которого любила бедным студентом с вечными передачами. Которому верила, когда он обещал, что однажды у нас все будет по-настоящему общее: успех, дом, семья, радость.

- Я поеду, - говорю я тихо. - Но не потому, что ты приказал. А потому что я слишком много вложила в этот вечер, чтобы ты один получал аплодисменты за то, что мы строили вместе.

Иван прищуривается.

- Что это значит?

Я кладу Данькину машинку на тумбочку и прохожу мимо него в спальню.

- Это значит, что сегодня я тоже надену красивое платье. И ты впервые за долгое время вспомнишь, что рядом с тобой не пустое место.

Он ничего не отвечает. Только молча смотрит мне вслед.

А я открываю шкаф, достаю темно-красное платье, которое давно висит без дела. Да, у меня нет роскошного крас-

ного маникюра к этому платью, да, я не успела сделать себе прическу, которую бы хотела, ведь все время потратила на сборы Дани и Ивана, да я даже поесть толком сегодня не успела, но я тоже заслужила этот вечер. И ничем не меньше, чем Иван.

ГЛАВА 2

ВЕРОНИКА

Мы подъезжаем к ресторанному комплексу.

Такси мягко тормозит у широкой лестницы, подсвеченной теплыми фонарями. За стеклянными дверями - свет, музыка, силуэты людей с бокалами минералки в руках. Начало лета, вечер теплый, воздух пахнет свежескошенной травой, дорогими духами и чем-то цветущим, сладким.

Иван всю дорогу молчал.

Сидел рядом, отвернувшись к окну, будто я не жена, а случайная попутчица. Я несколько раз хотела заговорить, но каждый раз останавливалась. После сегодняшнего разговора с мамой и Павлом Петровичем он замкнулся окончательно. Вернее, нет. Не замкнулся. Обиделся. Как мальчишка, которого поймали за плохим поступком, но он уверен, что виноваты все вокруг.

- Мы приехали, - тихо говорю я.

Иван не отвечает. Расплачивается с водителем, выходит первым и даже не оглядывается, чтобы помочь мне выйти из машины, или хотя бы придержать дверь.

Я сама открываю дверцу, придерживаю подол платья и ступаю на дорожку.

Темно-красное платье чуть ниже колена, скромное, с закрытыми плечами, то самое, которое несколько лет висело

в шкафу без дела. Когда-то оно сидело на мне идеально. Сегодня ткань слегка болтается на талии. Я похудела. Не специально. Просто в последнее время еда застревает в горле так же часто, как и невысказанные слова вкупе с обидами на мужа.

На моих ногах черные лодочки на низком каблуке. В руке черный клатч. Волосы я распустила - они светлые, почти пшеничные, от природы мягкие. Я хотела завить локоны, чтобы быть женственнее, но, увы не успела, потому что думала обо всех... обо всех, кроме себя, разумеется.

И вот когда мы входим в фойе, и я вижу себя в огромном зеркале у стены, мне хочется спрятаться.

Лицо бледное, изможденное. Скулы слишком резкие. Под глазами тени. На исхудавшем лице - одни только синие глаза, слишком большие, слишком усталые. Надо было накраситься ярче. Подвести губы. Скрыть все, что со мной происходит. Но, поздно.

Тут же рядом со мной, в отражении зеркала появляется Иван.

Высокий, подтянутый, в темном костюме, с идеальной посадкой по плечам. Лощеный, красивый до невозможности. Волосы уложены, подбородок гладко выбрит, взгляд холодный и уверенный. Он выглядит так, будто вся жизнь у него под контролем.

Кроме жены. Жену он просто не замечает. Жена – лишь незаметная серая его тень.

Он отворачивается от меня и спешит в ресторанный зал, в гущу событий.

- Иван, - говорю я негромко. - Подожди.

Он даже не сразу поворачивается.

- Что?

Одно слово, сухое, чужое.

- Мы вместе пришли.

Он смотрит на меня так, будто я сказала что-то неуместное.

- И что?

Я чувствую, как внутри все сжимается.

- Ничего. Просто...

- Вероника, давай без сцен, - перебивает он. - Это рабочий вечер. Мне нужно общаться с людьми.

- А я?

Он скользит взглядом по моему платью, по лицу, задерживается на глазах, но тепла в этом взгляде нет.

- А ты можешь просто вести себя *прилично*. Займи себя хоть чем-то, или уезжай домой, если тебе мой триумф поперек горла!

И уходит.

Просто оставляет меня посреди фойе, среди незнакомых людей, спешащих мимо официантов с подносами, зеркал и приглушенной музыки. Я смотрю ему вслед, как он расправляет плечи, меняет выражение лица и через секунду уже улыбается коллегам. Широко, обаятельно, легко. Словно только

что не говорил мне гадости ледяным тоном.

- Иван! Рад видеть!

- Взаимно, - смеется он. - Отличное место выбрали.

Он пожимает руки мужчинам, улыбается какой-то женщине из отдела, наклоняется к другой, что-то ей говорит, и та смеется, запрокинув голову. Он сразу становится душой компании. У него это всегда получалось. Для всех остальных - он остроумный, надежный, блестящий. Для меня уставший, раздраженный и бесконечно недовольный хам.

Я делаю шаг к стене, будто там можно стать незаметной. Раздумываю о том, а не вызвать ли мне на самом деле такси и не уехать ли домой, как Иван и советовал минутой ранее. Но тогда он так разобидится на меня, что и до развода может дойти. А я еще пока не уверена, что готова к подобным решениям.

Замечаю, что несколько женщин действительно смотрят на Ивана с интересом. Я вижу эти взгляды. Быстрые, оценивающие, голодные. Он замечает их тоже. И ему это нравится. Он чуть выше поднимает подбородок, улыбается ярче.

А потом в фойе появляется она.

Сначала я чувствую запах - густой, дорогой, сладковато-пряный. Потом слышу цокот каблучков. И только после этого вижу ее в зеркале.

Высокая черноволосая девушка в красном платье.

Но ее красное платье не имеет ничего общего с моим. Мое - тихое, почти стыдливое. Ее - вызов всем остальным. Длин-

ное, струящееся, с огромным разрезом по бедру и глубоким декольте, в котором мерцает изысканное ожерелье. На ногах лодочки на невероятной шпильке. Волосы черными волнами падают на плечи. Губы алые. В глазах огонь.

Она идет так, будто весь зал принадлежит ей.

Проносится мимо меня, едва не задев плечом. Даже не смотрит. Для нее меня просто нет.

Мужчины оборачиваются. Один молодой парень с бокалом в руке забывает, что собирался пить, и часть напитка проливается ему на манжет. Его сосед толкает его локтем и что-то шепчет. Женщины напрягаются, кто-то мгновенно поправляет волосы, кто-то поджимает губы.

Она проходит мимо компании, где стоит Иван.

Их взгляды встречаются.

Я вижу это.

Не предполагаю. Не додумываю. Именно вижу.

У Ивана меняется лицо. На секунду он теряет весь свой безупречный контроль. Улыбка становится другой - живой, жадной, почти юношеской. Глаза вспыхивают так, как не вспыхивали при виде меня уже много лет. Может быть, никогда.

Он замолкает на полуслове.

- Иван? - переспрашивает кто-то из коллег. - Ты что говорил?

Но Иван не отвечает сразу. Он смотрит на нее.

А она улыбается. Медленно. Довольно. Как женщина, ко-

торая точно знает, какое впечатление производит. Ее взгляд скользит по нему сверху вниз, задерживается на лице, и в этой паузе есть что-то такое, что мне становится холодно.

Вот и все, думаю я.

Не как в кино. Не с криками, не с разбитой посудой, не с признанием. Просто один взгляд моего мужа на другую женщину - и я понимаю: во мне давно что-то умерло, но только сейчас я увидела могилу.

Я сжимаю клатч так сильно, что ногти впиваются в ладонь.

Иван наконец приходит в себя.

- Роза, - произносит он.

Значит, он ее знает.

Она останавливается, поворачивает голову.

- Иван, - отвечает она низким, бархатным голосом. - Не ожидала увидеть тебя таким... важным сегодня.

Мужчины вокруг смеются. Иван тоже улыбается.

- Работа обязывает.

- Неужели только работа?

Она говорит тихо, но я слышу. Или мне кажется, что слышу, потому что весь мир вдруг сужается до их лиц.

Иван делает шаг к ней.

Один шаг.

Но для меня он звучит как хлопок двери.

Я отворачиваюсь к зеркалу, потому что не хочу видеть продолжение. В отражении я снова встречаюсь с собой -

бледной, растерянной, ненужной. В красном платье, которое должно было сделать меня красивой, а сделало только еще более жалкой рядом с женщиной, созданной для восхищения.

- Вам плохо?

Я вздрагиваю.

Рядом оказывается официант с подносом.

- Нет, спасибо, - быстро отвечаю я. - Все хорошо.

Я беру бокал воды, хотя рука дрожит. Делаю маленький глоток. Вода холодная, но не помогает.

И в этот момент двери комплекса снова открываются.

Разговоры в фойе будто становятся тише. Не прекращаются, нет. Но меняется воздух. Как перед грозой, когда еще светло, но небо уже знает, что сейчас ударит гром.

Входит Михаил Арсеньевич Царевский.

Генеральный директор компании, где работает Иван.

Я видела его раньше только на фотографиях в корпоративных новостях и пару раз издалека, когда приезжала к Ивану в офис. Но фотографии врал. Они не передавали и половины того, что исходит от этого человека.

Он высокий. Очень. В темном костюме, который сидит безупречно, но не делает его офисным манекеном. Наоборот, подчеркивает силу. Широкие плечи, прямая спина, рельефное тело, которое заметно даже под пиджаком. Лицо резкое, породистое, с четкой линией скул. Взгляд - как у орла. Спокойный, внимательный, властный.

Он не спешит. И именно поэтому кажется, что все остальные вокруг суетятся.

К нему тут же подходит мужчина в сером костюме.

- Михаил Арсеньевич, простите, буквально минуту. По завтрашней встрече с инвесторами...

Царевский останавливается, чуть поворачивает голову.

- Говорите.

Голос у него низкий. Уверенный. Без нажима, но такой, что хочется слушать.

И я невольно прислушиваюсь.

- Там изменили время созвона, и финансовый блок просит перенести презентацию на первую половину дня. Но юридический отдел еще не согласовал правки по договору.

- Кто отвечает за правки?

- Логинов.

- Скажите Логинову, что если документы не будут у меня на столе к девяти, презентацию будет вести не он, а тот, кто умеет пользоваться календарем.

Мужчина бледнеет.

- Понял.

- И без паники, - спокойно добавляет Царевский. - Паника стоит дороже ошибки.

Он говорит ровно, почти лениво, но в его тоне такая сила, что мне становится ясно - передо мной человек, которому не нужно повышать голос, чтобы все подчинились.

Я снова смотрю в зеркало.

И вдруг встречаю его взгляд.

Не напрямую. Через отражение.

Михаил Арсеньевич смотрит на меня.

Не скользит равнодушно, как остальные. Не оценивает нагло, как мужчины смотрели на Розу. Он смотрит внимательно, будто заметил что-то, что другие пропустили.

Я замираю. Секунда. Две.

Мне надо отвернуться. Опустить глаза. Сделать вид, что ничего не произошло. Но я не могу.

Его взгляд держит меня крепче любой руки.

ГЛАВА 3

ВЕРОНИКА

- Добрый вечер. - раздается бархатистый мужской голос позади меня.

Хоть я и вижу его в зеркале, но все равно оборачиваюсь.

Рядом со мной Царевский выглядит еще внушительнее: высокий, собранный, спокойный. В нем нет суеты, нет желания всем понравиться. Он просто стоит рядом, смотрит на меня сверху вниз, и от этого взгляда мне становится еще более неловко.

Наверное, его привлек мой растерянный вид. Или, черт его знает, зачем он лично подошел ко мне.

Я ведь, наверное, выгляжу так, будто заблудилась. Как будто я какая-то новая сотрудница, которую забыли представить. Или вообще сумасшедшая женщина, случайно забредшая на корпоратив крупной компании и теперь не понимающая, куда ей деваться.

- Не видел вас ранее, - произносит он негромко.

Голос у него спокойный, глубокий, с той особенной уверенностью, которая бывает у людей, привыкших, что их слушают с первого слова.

Я нервно сглатываю и машинально поправляю край платья. Пальцы холодные, хотя в холле тепло. За спиной слышатся голоса, смех, звон бокалов с минералкой, музыка из

банкетного зала. Все веселятся, все кому-то нужны, все знают, где их место.

Кроме меня.

- Царевский Михаил Арсеньевич, - представляется он, хотя в этом нет необходимости.

Он достает из внутреннего кармана пиджака визитку и протягивает мне. Движение точное, неторопливое. Визитка красивая, дорогая, из плотной темной бумаги, почти бархатная на ощупь. На ней серебряным тиснением выбито имя и должность.

- Генеральный директор компании Альтаир Девелопмент*.

**название выдуманно автором. Любые сходства - совпадение.*

Я беру визитку, и прячу ее в свой клатч.

- Вероника Кольцова... - произношу я, и голос у меня дрожит.

Царевский чуть приподнимает бровь, ожидая продолжения.

- Жена Ивана Артемовича Кольцова.

На его лице не происходит почти ничего. Только взгляд становится чуть внимательнее. Он медленно переводит глаза с меня куда-то за мое плечо, в сторону зала.

- Ах вон оно что, - говорит он.

И мы оба смотрим туда.

Мой муж стоит у стола в банкетном зале рядом с Розой.

Он улыбается Розе.

Не просто вежливо разговаривает. Не просто поддерживает корпоративную беседу. Он склоняется к ней ближе, слишком близко, говорит что-то ей на ухо. Роза смеется - громко, ярко, запрокидывая голову так, будто в шутке Ивана действительно было что-то невероятно смешное. Ее рука легко касается его рукава. Потом задерживается на локте.

Я чувствую, как щеки начинают гореть.

Мне стыдно. Так стыдно, будто это я сделала что-то неприличное. Будто это я стою сейчас посреди чужого праздника и унижаю человека, с которым пришла.

Но на самом деле унижают меня.

Муж даже не смотрит в мою сторону.

- Он... обычно не такой, - зачем-то произношу я.

Сама не понимаю, почему начинаю его оправдывать. Перед кем? Перед этим мужчиной? Перед собой?

Царевский молчит.

От этого молчания становится еще хуже.

Я бросаю быстрый взгляд на него и вижу, что он тоже наблюдает за Иваном. Взгляд у Михаила Арсеньевича более чем красноречивый: спокойный, холодный, оценивающий. Кажется, ему тоже не по душе, что его сотрудник бросил собственную жену в фойе и теперь отчаянно флиртует с другой женщиной.

Я не знаю, что на это сказать.

В горле стоит ком. Мне хочется либо рассмеяться, либо

расплакаться, либо развернуться и уйти прямо сейчас, не дожидаясь, пока Иван вспомнит обо мне. Но ноги почему-то не двигаются.

- Михаил Арсеньевич, - вдруг раздается рядом другой мужской голос.

К нам подходит мужчина в сером костюме. Я уже видела его раньше: он крутился возле Царевского, задавал вопросы, что-то уточнял, смотрел в планшет и явно боялся упустить какую-то важную деталь. Сейчас он снова выглядит напряженным.

- Простите, что отвлекаю, - говорит он, бросив на меня короткий взгляд. - Но там по рассадке возник вопрос. И еще нужно согласовать порядок выступлений. Финансовый отдел просит перенести их блок после награждения.

Царевский не сразу отрывает от меня взгляд.

- Через пять минут, - спокойно говорит он.

- Михаил Арсеньевич, там уже все ждут, - осторожно напоминает мужчина.

Я делаю шаг назад.

Царевский смотрит на меня еще секунду. Будто хочет что-то сказать. Но потом едва заметно кивает.

- Хорошего вечера, Вероника.

От того, что он называет меня по имени, мне почему-то становится еще тяжелее.

- Спасибо, - тихо отвечаю я.

Мужчина в сером костюме тут же уводит Царевского в

сторону банкетного зала, начиная на ходу перечислять рабочие моменты:

- По списку гостей все подтвердили, но представители филиала задерживаются. Еще ведущий просил уточнить, вы выступаете до слов учредителей или после...

Их голоса постепенно растворяются в общем шуме.

Я снова остаюсь одна.

В холле становится прохладнее, хотя, наверное, это только мне так кажется. Я стою с клатчем в руке и смотрю, как люди начинают рассаживаться. Сотрудники, приглашенные на корпоратив, парами и компаниями проходят в зал, смеются, переговариваются, машут друг другу руками. Кто-то уже держит бокалы с минералкой, кто-то фотографируется у украшенной фотозоны, кто-то громко обсуждает премии и подарки.

А я просто стою у стены.

Как чужая.

Роза тем временем замечает Царевского.

Это происходит мгновенно. Еще секунду назад она смеялась над словами Ивана, а в следующую уже выпрямляется, поправляет волосы и переводит на Михаила Арсеньевича совсем другой взгляд. Я вижу, как Иван что-то говорит ей, но она почти не слушает. Ее улыбка становится шире, движения мягче, голос - звонче.

Она бросает моего мужа так же легко, как он бросил меня. Иван замирает.

На его лице появляется растерянность, а потом раздражение. Он смотрит Розе вслед, поджимает губы. Мне даже на расстоянии видно, как ему неприятно, что внимание, которое он считал своим, ускользнуло к кому-то более важному.

К кому-то выше.

К кому-то сильнее.

Я почти усмехаюсь, но улыбка выходит горькой.

Роза направляется к столу, где должен сидеть Царевский. Она идет уверенно, будто место рядом с ним уже принадлежит ей. Несколько женщин провожают ее взглядами. Мужчины уступают дорогу. Она привыкла быть заметной, привыкла, что ей улыбаются, что ее хотят видеть рядом.

Но Царевский, едва заметив ее намерение, что-то коротко говорит распорядителю.

Тот сразу оживляется и, вежливо улыбаясь, указывает Розе на другой стол.

- Роза Викторовна, ваше место вот здесь, прошу, - доносится до меня.

- Но мне казалось... - начинает она, не скрывая недовольства.

- Обновленная рассадка, - мягко, но твердо отвечает распорядитель. - Михаил Арсеньевич просил придерживаться списка.

Роза на секунду каменеет. Потом натягивает улыбку и, бросив быстрый взгляд на Царевского, все же идет к указанному месту.

Мой муж тем временем оказывается в центре внимания других женщин. Его окружают коллеги, кто-то смеется, кто-то хлопает его по плечу, кто-то поднимает бокал с минералкой. Иван быстро приходит в себя. Снова становится уверенным, оживленным. Он садится во главе стола, как будто, так и должно быть.

И рядом с ним нет пустого места.

Ни одного.

Я смотрю на занятые стулья возле него. На людей, которые уже заняли все места за столом моего мужа. На его ослабленную позу. На то, как он берет салаты и делает вид, будто меня не существует.

Потом он все-таки смотрит на меня.

На секунду.

И в его взгляде нет ни вины, ни тревоги. Только что-то злорадное. Почти довольное. Будто он специально показывает: вот твое место, Вероника. Нигде. Стой в фойе и знай свое место.

У меня внутри все сжимается.

Я крепче сжимаю клатч, где лежит визитка Царевского. Одному Господу известно, зачем он мне ее вручил.

Надо уйти.

Просто уйти.

Вызвать такси и уехать домой. Пусть Иван потом сам объясняет, почему его жена исчезла с корпоратива. Пусть злится, пусть кричит, пусть говорит, что я снова все испортила.

Какая разница? Хуже, чем сейчас, уже не будет.

Я делаю шаг назад, потом еще один.

Музыка становится громче. Ведущий что-то говорит в микрофон, гости хлопают. В зале включают теплый свет, на столах блестят приборы, в бокалах переливается свежавыжатый сок. Все красиво. Празднично. Дорого.

И совершенно не для меня.

Я разворачиваюсь, собираясь уйти.

- Вероника Кольцова?

Я останавливаюсь.

Ко мне подходит тот самый мужчина в сером костюме. Теперь он уже не выглядит таким суетливым, но в голосе у него слышится деловая вежливость.

- Да, - осторожно отвечаю я.

Он слегка наклоняет голову.

- Пройдемте, пожалуйста.

- Куда? - не понимаю я.

Мужчина спокойно указывает в сторону центрального стола.

- Михаил Арсеньевич просил пригласить вас за его стол.

Я несколько секунд просто смотрю на него, не в силах сразу осознать сказанное.

- Меня? - переспрашиваю я глупо.

- Да, - подтверждает он. - Для вас подготовили место. Прошу.

Я невольно бросаю взгляд в зал.

Иван тоже это видит. Его лицо меняется. Улыбка исчезает, пальцы крепче сжимают бокал с лимонадом.

А я стою посреди холла, с клатчем в руках, с пылающими щеками и бешено колотящимся сердцем, и судорожно сообщаю, не розыгрыш ли это.

ГЛАВА 4

ВЕРОНИКА

Глазам своим не верю, когда человек в сером костюме подводит меня прямо к центральному столу. Не туда, где можно незаметно приткнуться и сделать вид, что так и было задумано. А именно к столу, за которым сидит все руководство компании: заместители, директора направлений, руководители подразделений, какие-то важные мужчины в дорогих костюмах и женщины с идеальными укладками.

И к свободному стулу рядом с Царевским. Рядом с Михаилом Арсеньевичем.

- Прошу, - вежливо говорит мужчина в сером костюме и отодвигает для меня стул.

Я на секунду замираю, потому что мне кажется, будто весь зал смотрит только на меня. Хотя, наверное, так и есть.

- Спасибо, - выдыхаю я едва слышно.

Он помогает мне присесть, задвигает стул ровно настолько, чтобы мне было удобно, и отходит в сторону.

Я сижу прямо рядом с Царевским. Так близко, что наши локти едва не соприкасаются. Я чувствую едва уловимый аромат его парфюма — сдержанный, дорогой, спокойный. Не резкий, не навязчивый. Такой же, как он сам.

Михаил Арсеньевич поворачивает ко мне голову.

- Устроились? - спрашивает он негромко.

- Да, - отвечаю я, хотя внутри у меня все дрожит. - Спасибо.

- Если что-то понадобится, скажите.

Он говорит это просто, без демонстративной галантности, без лишней улыбки.

За столом повисает короткая пауза.

Я кожей чувствую взгляды. Один из заместителей, седоватый мужчина с тяжелым подбородком, смотрит на меня с плохо скрываемым недоумением. Женщина напротив чуть заметно приподнимает брови. Кто-то переглядывается с соседом. Но никто ничего не спрашивает.

Раз Михаил Арсеньевич решил посадить меня рядом с собой, значит, это не обсуждается.

Ко мне тут же подходит официант.

- Добрый вечер, - произносит он с безупречной улыбкой.
- Позвольте?

Он аккуратно раскладывает у меня на коленях белоснежную салфетку, поправляет приборы, наливает в бокал воду без газа.

- Вам предложить что-то из напитков? У нас есть свежесжатый апельсиновый сок, яблочный, ягодный морс, домашний лимонад, минеральная вода с газом и без.

- Морс, пожалуйста, - говорю я.

- Конечно.

Он наполняет высокий бокал темно-рубиновым морсом, ставит рядом воду и тут же принимается сервировать мою

тарелку. Сначала кладет легкий салат с рукколой, грушей и тонкими ломтиками сыра. Потом предлагает горячую закуску.

- Запеченная форель с лимонным соусом, индейка с пряными травами или овощи на гриле?

- Немного рыбы, - прошу я, все еще чувствуя себя так, будто попала в чужой сон.

- Разумеется.

Он выкладывает на тарелку небольшой кусочек форели, добавляет рядом спаржу, несколько ломтиков цукини и миниатюрную картофелину с розмарином. Все выглядит красиво, дорого и почти нереально.

Царевский тем временем сидит спокойно, величественно, будто шум зала и чужие взгляды не имеют к нему никакого отношения. Он не суетится, не оглядывается, не пытается специально демонстрировать, что оказывает мне внимание. Но при этом я ни на секунду не чувствую себя брошенной.

Он время от времени поворачивается ко мне, коротко поясняет, кто сидит напротив, кто справа, о чем сейчас говорят. Его голос ровный, располагающий. Он слушает собеседников внимательно, отвечает спокойно, иногда чуть улыбается, и каждый за столом ловит его реакцию.

Удивительно, как человек может ничего особенного не делать, но все равно оставаться центром всего происходящего.

Я осторожно беру бокал с морсом и делаю глоток.

И в этот момент замечаю Ивана.

Мой муж буквально шею свернул, рассматривая меня за столом с генеральным. Он сидит в нескольких столах от нас, но теперь ему явно не до разговоров и не до женщин вокруг. Лицо у него растерянное, злое, белесое. Он смотрит то на меня, то на Царевского, будто пытается понять, как вообще такое могло случиться.

А потом Иван делает мне знак.

Кивает головой.

Резко, требовательно.

Мол, немедленно встань и иди сюда.

Я едва не смеюсь.

Ага. Опомнился.

Когда бросал меня одну в холле, не вспоминал. Когда флиртовал с Розой, не вспоминал. Когда сел за стол, не оставив мне места, тоже как-то не переживал. А теперь вдруг решил, что я должна сорваться по первому его кивку?

Нет уж.

Я отвожу взгляд.

И почти сразу замечаю Розу.

Она сидит за своим столом, но смотреть на нее даже страшновато. Не должна бы я радоваться чужому унижению, но ничего не могу с собой поделать. Ее лицо буквально перекосило от злости. Она смотрит на меня так, будто я украла у нее что-то законное. Будто место рядом с Царевским изначально принадлежало ей, а я каким-то чудом, какой-то наглой ошибкой оказалась там вместо нее.

От ее бывшего шарма не остается и следа. Еще недавно она была вся такая сияющая, легкая, уверенная, бросала на мужчин взгляды, смеялась, касалась рукава моего мужа. А теперь сидит с каменным лицом, с поджатыми губами, зеленая от злости.

Настоящая Баба-яга в дорогом платье.

И это меня, как ни странно, радует.

Еще больше радует, что сотрудники компании тоже мгновенно забывают и о ней, и об Иване. Теперь все украдкой смотрят на меня. На женщину, которую только что никто не замечал. На жену Кольцова, которую сам генеральный директор посадил рядом с собой.

- Вероника, вам удобно? - негромко спрашивает Царевский.

- Да, Михаил Арсеньевич, - отвечаю я и заставляю себя расправить плечи. - Спасибо.

Он едва заметно кивает.

И тут Иван поднимается.

Я вижу это боковым зрением и сразу напрягаюсь.

Он идет к нашему столу, а значит - не только ко мне, но и к Царевскому. На лице у него появляется выражение, которое я слишком хорошо знаю: натянутая улыбка, заискивающий взгляд, попытка выглядеть уверенно, хотя внутри он уже паникует.

- Михаил Арсеньевич, - произносит Иван, подходя ближе. Голос у него слишком вежливый. Даже приторный.

Царевский медленно поднимает на него глаза.

- Иван Артемович.

Одного этого спокойного обращения хватает, чтобы мой муж побледнел еще сильнее.

- Простите, что отвлекаю, - Иван быстро бросает взгляд на меня, потом снова на генерального. - Тут, видимо, небольшое недоразумение вышло. Моя супруга должна сидеть со мной. Я сейчас все улажу.

Он протягивает ко мне руку, будто я вещь, которую можно просто забрать.

- Вероника, пойдём.

Я не двигаюсь.

Царевский тоже не двигается. Только откладывает приборы и спокойно смотрит на Ивана.

- Насколько я понял, за вашим столом для вашей супруги места не нашлось.

У Ивана дергается щека.

- Нашлось, Михаил Арсеньевич, конечно нашлось. Просто путаница с рассадкой. Сейчас я все решу.

- Путаница? - ровно уточняет Царевский.

- Да. Организационный момент, - торопливо кивает Иван.
- Я уже нашел место.

Мне хочется спросить: где? На коленях у кого-нибудь? Между стульями? У стены?

Но я молчу.

Михаил Арсеньевич поворачивается ко мне. В его взгля-

де нет давления. Ни капли. Только спокойствие и странное уважение, к которому я совершенно не привыкла.

- Вероника, вы можете идти, если хотите, - говорит он. - Или остаться. Мне приятна ваша компания.

За столом становится тихо.

Очень тихо.

Даже музыка будто отодвигается куда-то на задний план.

Иван смотрит на меня так, словно уже заранее уверен: я встану. Конечно, встану. Я ведь всегда уступаю. Всегда сглаживаю. Всегда спасаю его лицо, даже когда он сам топчет мое.

И в эту тяжелую паузу перед глазами вдруг проносится весь сегодняшний день.

Как утром он крутил мне мозги из-за галстука, будто я обязана была заранее угадать, какой именно ему нужен. Как раздражался из-за каждой мелочи. Как говорил, что я должна выглядеть прилично и не позорить его. Как в машине почти не разговаривал. Как в холле бросил меня одну со словами «веди себя *прилично*». Как улыбался Розе. Как наклонялся к ней. Как даже не оставил мне места рядом с собой.

Все это вспыхивает внутри разом.

Я поднимаю взгляд на мужа.

- Не беспокойся, Иван, - говорю я ровно. - Я уже села рядом с Михаилом Арсеньевичем.

У Ивана лицо меняется мгновенно.

Он зеленеет от злости почти так же, как недавно Роза. Гу-

бы сжимаются в тонкую линию, пальцы дергаются, взгляд становится жестким. Но сделать он ничего не может. Не здесь. Не перед Царевским. Не перед всем руководством.

- Вероника... - начинает он сквозь зубы.

Один из заместителей тут же поворачивается к соседу и начинает обсуждать какие-то рабочие итоги полугодия. Женщина напротив подхватывает разговор о новом проекте. За столом снова возникает деловая, спокойная беседа, в которой Ивану явно нет места.

Он стоит еще секунду. Потом коротко кивает.

- С вашего позволения, Михаил Арсеньевич.

На меня он бросает такой взгляд, что у меня холодеют пальцы. Но я не опускаю глаза.

Иван разворачивается и возвращается к своему столу.

Я выдыхаю только тогда, когда он садится.

Проходит меньше минуты.

Телефон в моей сумочке коротко вибрирует.

Я достаю его, уже зная, от кого сообщение.

На экране высвечивается имя мужа.

«Дома у меня получишь!»

ГЛАВА 5

ВЕРОНИКА

«Дома у меня получишь».

Я смотрю на сообщение и сначала даже не понимаю, что именно чувствую. Страх? Нет. Обиду? Злость? Вот она поднимается горячей волной откуда-то из груди, расправляет плечи, заставляет крепче сжать телефон.

Ага. Это кто еще из нас двоих получит?

Размечтался.

Я медленно блокирую экран и убираю телефон чуть ниже, чтобы никто за столом не увидел эту мерзость. Но внутри меня уже что-то щелкает. Окончательно.

Я из тех женщин, которые не терпят рукоприкладства от домашних боксеров. Если Иван опустится до того, чтобы поднять руку на мать своего ребенка, он немедленно вылетит вон из квартиры. Из той самой квартиры, которую мне купил отчим. Не ему. Мне.

И пусть потом хоть до посинения рассказывает своим коллегам, какой он важный мужчина и будущий заместитель.

Как я вообще могла позволить ему так со мной обращаться? Когда это началось? С каких таких пор он решил, что мне можно угрожать? Что можно бросать меня одну, унижать, смотреть сквозь меня, а потом требовать покорности одним сообщением?

И не он ли четверть часа назад вел себя как последняя скотина?

Так что кто от кого получит - еще большой вопрос.

Я делаю вдох, стараясь вернуть лицу спокойное выражение. За столом продолжают разговаривать, кто-то тихо смеется, официанты почти бесшумно двигаются между столами. Все вокруг выглядит дорого, красиво, пристойно. Только у меня внутри будто разбитая тарелка, осколки которой еще звенят.

Телефон снова коротко вибрирует.

Я напрягаюсь, думая, что это опять Иван, но на экране высвечивается мама.

Она прислала фотографию.

Я открываю сообщение и улыбаюсь.

Даня уже на даче. Стоит в резиновых сапогах, с серьезным видом держит в ладонке горсть зерна, а вокруг него толпятся желтые цыплята. Один особенно наглый почти залез ему на сапог. У Дани лицо сияет таким восторгом, будто он не цыплят кормит, а открыл новую планету.

Под фото мама пишет: «Твой фермер передает привет. Скучает, но держится».

У меня теплеет в груди.

Ну хорошо. Хоть сынок там не скучает без меня.

Я ставлю на фотографию реакцию сердечка, еще раз смотрю на его счастливую улыбку и только потом закрываю переписку.

- Дела никак не отпустят? - раздается рядом ровный голос Царевского.

Я поднимаю глаза и встречаю его внимательный взгляд.

Он не заглядывает в мой телефон, не пытается прочесть, что там было. Просто спрашивает. Спокойно, почти мягко.

Неужели я правда похожа на деловую особу, способную вечером в ресторане решать рабочие вопросы? Или он все-таки понял, что муж может строчить мне гадости?

- Мама прислала мне фото сына, - отвечаю я с невольной улыбкой.

- У вас есть сын?

- Да. Вот, смотрите.

Я сама не понимаю, почему так легко показываю ему фотографию. Наверное, потому что Даней я горжусь. Потому что это фото очень классное - только мой ребенок, лето, дача и цыплята.

Царевский наклоняется совсем немного, ровно настолько, чтобы увидеть экран. Смотрит несколько секунд и вдруг улыбается. Не той сдержанной деловой улыбкой, которой он отвечает за столом, а по-настоящему - тепло, добродушно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.